

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Ю.И. Литвиновская

УО «Белорусский государственный университет информатики и
радиоэлектроники»
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. Классовый состав населения Беларуси накануне войны 1812 года состоял в основном из двух антагонистических слоев – польского по происхождению, или ополяченного дворянства и крестьян. Симпатии господствующего сословия в начавшейся войне, в большинстве своем, были на стороне противника России и оно оказывало ему всемерную поддержку. Крестьянство же стремилось, используя ситуацию, вырваться из крепостной зависимости. Все это привело к острой конфронтации в белорусской деревне, и прежде всего в Могилевской губернии, находившейся практически в центре важнейших событий войны.

Ключевые слова: Наполеон; война; французы; дворянство; крестьяне; деревня; волнения.

Summary. The class composition of the population of Belarus on the eve of the war of 1812 consisted mainly of two antagonistic layers - Polish by origin, or Polonized nobility and peasants. The sympathies of the ruling class in the outbreak of the war, for the most part, were on the side of the enemy of Russia, and it provided him with all possible support. The peasantry tried, using the situation, to break out of serfdom. All this led to a sharp confrontation in the Belarusian countryside, and above all in the Mogilev province, which was practically at the center of the most important events of the war.

Keywords: Napoleon; war; French people; nobility; peasants; village; unrest.

Непростые отношения между Россией и Францией ещё в большей степени осложнились после подписания в 1807 г. Тильзитского мира и вынужденного присоединения России к континентальной блокаде. Обе стороны деятельно готовились к новой войне. Для российского общества начавшийся 1812 год протекал в тревожных ожиданиях предстоящего столкновения.

В целом, накануне войны дворянство Беларуси занимало выжидательную позицию и весьма сдержанно относилось к различного рода мероприятиям властей по укреплению армии. Оставаясь внешне лояльным России, оно не спешило сдавать продовольствие, не торопилось делегировать своих представителей на выделенные им должности в учреждения по выполнению военных требований и т.д.

Переход армии Наполеона через Неман и начало войны вызвали в среде господствующего класса России – смятение, уныние и отчаяние, но вместе с

тем имела место страшная ненависть дворянства к Наполеону, «...к этому «исчадию» французской революции» [17, с. 24]. В отличие от коренной России, в Беларуси симпатии господствующего сословия и всего того, что тяготело к нему из материальных соображений, были на стороне противника России – Наполеона. «Поляки нисколько не боятся вторжения французов в Россию; они им даже довольны, и сколько заметить можно было, и наши хозяева разделяют мысли и желания всей нации, – писал офицер отступающей русской армии о своих наблюдениях. – Ни одного слова никто не промолвил нам о бедствиях, постигших наше любезное отечество» [13, вып. 3, с. 10, 2].

С продвижением французских войск в глубь России эвакуировались преимущественно те, кто появился в Беларуси после 1793–1795 годов, т.е. после последних разделов Речи Посполитой и присоединения белорусских земель к Российской империи. Это – русские чиновники и их семьи, купцы, помещики, духовенство.

Однако французы заметили, что по мере продвижения их армии на восток население становилось всё сдержаннее в выражении своих чувств по отношению к ним. Маршал Даву, выступая 23 июля перед могилёвскими дворянами и чиновниками прямо заявил об этом, подчеркнув, что «он удивляется, что не находит в здешней губернии того энтузиазма и польского духа, который он зрел в прочих губерниях» [3, т. 3, с. 139].

Но как бы то ни было, основная масса дворянства в Беларуси поддержала новую власть. Так, могилёвский гражданский губернатор граф Д.А. Толстой докладывал в Правительствующий Сенат 20 декабря 1812 года, после освобождения губернии от неприятеля, что большая часть помещиков вполне добровольно, безо всякого принуждения присягнула Наполеону [3, т. 3, с. 159].

Верноподданнические чувства Наполеону были выражены от имени всего дворянства Беларуси группой могилёвских помещиков в составе Прозора, Крөгера, Киркора и Сабаньского, делегированных губернской комиссией 1 августа в ставку французского императора, находившуюся тогда в Смоленске. С пафосной речью перед Наполеоном выступил Прозор. Он восхвалял победы французского оружия, заверял императора в преданности своих соотечественников, выражал надежды на помощь Наполеона в восстановлении Польши [3, т. 3, с. 142, 149–150].

Дворянство Беларуси, мечтавшее о восстановлении Речи Посполитой, искренне верило, что это главный вопрос, ради которого Наполеон ведёт войну с Россией. Они восторженно встретили французскую армию и всячески стремились оказать ей содействие.

Но в целом, дворянство Беларуси, даже когда в пределы края вступили русские войска, следовало за Наполеоном, верило в его полководческий талант и конечную победу, а отступление считало стратегическим замыслом императора. Чиновничий аппарат гражданских органов власти продолжал преданно служить французам, выжимая из населения военные поставки даже в последние дни пребывания остатков Великой Армии на белорусской земле.

В вопросе сотрудничества дворянства Беларуси с неприятелем правительство Александра I заняло примирительную позицию. 8 ноября 1812 года, вступив в пределы Могилёвской губернии, главнокомандующий русскими войсками М.И. Кутузов объявил в обращении к населению «... я нахожу нужным всем армиям мною предводимым, строжайше воспретить всякий дух мщения, и даже нарекания в чём либо жителям белорусским, тем паче причинение им обид и притеснений» [10, т. 5, с. 287].

Получив копию этого документа, царь направил главнокомандующему рескрипт, в котором благодарил его «за своевременное принятие мер к сохранению обоюдного согласия между обывателями и войсками, и к забвению прошедших заблуждений...» [10, т. 5, с. 288]. Такие же прокламации предшествовали вступлению русских войск и в пределы других губерний Беларуси. Но отдельные недоразумения встречались. Во время контрнаступления русской армии во многих местах крестьяне выдавали командованию дворян сотрудничавших с французами. Имелись случаи убийств и погрома имений [11, л. 1–4, 9]. В Могилёвской губернии такие действия крестьян были поддержаны казаками и ратниками Малороссийского и Калужского ополчений.

Начальник Малороссийского ополчения генерал-лейтенант Н.В. Гудович, не зная, что ему делать в такой ситуации обратился с рапортом в Главную квартиру русских войск. «Обязанностью почитаю ниспросить ваше превосходительство, – писал он дежурному генералу штаба П.П. Коновницыну, – как позволено будет поступать с белорусскими помещиками, учинившими присягу на верность врагу отечества нашего ... Позволительно ли будет оглашать народу, дабы не повиновались помещикам своим, в измене уличённым?» [1, с. 140]. Командование не могло решить этот вопрос. Донесение Гудовича было переслано царю. Александр I категорически запретил трогать могилёвских дворян и приказал главнокомандующему провести следствие и наказать виновных в расправе над ними [9, т. 4, ч. 2, с. 627]. А вскоре специальным манифестом царь простил измену дворян западных губерний. 24 декабря, после изгнания остатков Великой Армии за пределы империи, Александр I, прибыв в Вильно, подписал манифест «О прощении жителей от Польши присоединённых Областей, участвовавших с французами в войне против России» [12, с. 481–482].

Манифест устанавливал двухмесячный срок для возвращения на родину тех уроженцев западных губерний, которые остались служить Наполеону, и ушли с его армией на запад. В случае невозвращения, с 25 февраля 1813 года всё их имущество подвергалось конфискации [12, с. 482].

Подавляющее большинство дворян Беларуси, сотрудничавших с французскими властями, после ухода остатков Великой Армии за Неман, по крайней мере, внешне примирилось с действительностью, осталось на местах, выказывая все признаки повиновения русским властям, уверяя их в своей полной лояльности и объясняя свой прежний образ действий заблуждением, или принуждением.

Однако к основной массе владельцев небольших и средних состояний, возвращавшихся домой после установленного манифестом срока, т.е. после 25 февраля 1813 г. неукоснительно применялись положения манифеста 24 декабря – имения конфисковывались. Лица, находившиеся до войны на государственной службе, к выполнению должностных обязанностей не допускались как ненадёжные.

5 ноября 1813 г. были утверждены правила конфискации имений лиц самовольно отлучившихся за границу и не возвратившихся к определённому сроку, а также порядок управления этими имениями. С этой целью во всех губерниях Беларуси были созданы специальные комиссии. Каждая из них получала сведения обо всех землевладельцах, поместья которых должны быть подвергнуты конфискации. Имена невозвращенцев публиковались. Их списки рассылались в городские и земские полиции всех западных губерний, которые занимались поиском их имущества [12, с. 649–652]. Только в Могилёвской, Минской и Гродненской губерниях полной, или частичной конфискации подлежало около 153 тыс. крестьян мужского пола [15, с. 24]. Вопрос касался собственности 201 шляхтича, которым принадлежало 340 имений [14, с. 75].

Изменения в отношении к этой категории дворянства западных губерний наметилось только на завершающем этапе войны с Францией. Указом от 7 мая 1814 г. служившие в польских формированиях освобождались от плена, а тем из них у кого были конфискованы в России имения, эти имения возвращались [12, с. 778].

Окончательную точку в вопросе о собственности дворян, сотрудничавших с противником во время войны, поставил «Всемилоостивейший Манифест» от 11 сентября 1814 года. О тех, кто «забыв священный долг любви к Отечеству ... пристали к неправой ... стороне, – говорилось в Манифесте, – и всех, по сим обстоятельствам взятых, сосланных, или иным образом задержанных, освободить; також имения или имущества их по сему случаю конфискованныя или иным образом под надзор взятые и по сие время удерживаемыя, по прежнему владельцам их возвратить, и все следствия над ними пресечь, и никаких притязаний к ним не делать; словом поставить их в то состояние, в каком находились они прежде ...» [12, с. 910].

Большинство дворян Беларуси, принимавших участие в наполеоновской администрации, в послевоенное время продолжали служить в русских административных учреждениях и по выборам дворянства, успешно продвигаться по службе [7, с. 62–63].

Что же касается господствующего класса, то Е.В. Тарле подчёркивал, что русское дворянство в массе своей с первого дня войны питало лютой страх, что Наполеон, постепенно продвигаясь вглубь страны, будет освобождать крестьян от крепостной зависимости и поднимать их на помещиков [16, с. 64].

В июне–июле 1812 г. когда французская армия одну за другой занимала губернии России, антикрепостнические волнения, выступления крестьян против помещиков получили повсеместное распространение. Можно сказать, что они проходили синхронно с продвижением вглубь Беларуси Великой

Армии. Оставление полевых работ и повальное бегство крестьян в леса было не только проявлением стремления хоть как то защитить себя то неминуемого в такой ситуации грабежа со стороны как своей, так и чужой армии, но и естественным желанием использовать ситуацию временного безвластия для того чтобы освободиться от помещичьего гнёта. Следующим этапом крестьянской борьбы был грабёж и поджог помещичьих усадеб, уничтожение наиболее жестоких и ненавистных их владельцев.

Могилёвский губернский маршал писал впоследствии, что после занятия французами Могилёва «некоторые ... крестьяне предавались волнению против власти помещиков ... производили грабёж, разоряли помещичьи усадьбы, расхищали имущество и наконец последнее стремление сделалось по губернии общим» [3, т. 3, с. 15].

В 1812 г. социальные мотивы в политике французского императора были строго подчинены его политико-стратегическим расчётам, Рассматривая местных дворян как социальную базу своей власти, Наполеон делал всё от него зависящее, чтобы не возбуждать их недовольства и, в силу этого, решительно встал на защиту их крепостнических прав.

В воззвании к духовенству Виленской епархии, принятом Комиссией Временного правительства ВКЛ 7 июля, последнему предписывалось «убеждать народ терпеливо переносить ... невзгоды», «уговаривать продолжать земледельческие занятия и возвратиться в свои дома». Здесь же подчёркивалось, что «необходимо также немедленно возобновить постоянное отправление обыкновенных дворовых повинностей (барщины)» [2, т. 1, с. 153]. Эти же мысли красной нитью проходят и через, принятое в тот же день, воззвание к помещикам и землевладельцам. «... Собирайте разбежавшихся жителей и старайтесь внушать им, сколь необходимо заниматься земледелием и отправлять предписанные договорами повинности» [2, т. 1, с. 152].

Аналогичные решения по крестьянскому вопросу принимаются властями губерний и департаментов. 11 июля, выступая перед Могилёвскими дворянами, маршал Даву заявил, что положение крестьян остаётся прежним [3, т. 3, с. 139]. После этого Могилёвская губернская временная комиссия принимает своё постановление о том чтобы крестьяне повиновались своим помещикам и оказывали всяческое содействие требованиям французской армии. Местный первосвященник архиепископ Варлаам 22 июля одобрил это решение [3, т. 3, с. 244]. В Могилёвской губернии для защиты помещиков французско-польская администрация учредила специальные военные команды из числа польских военнотружущих наполеоновской армии. Они назывались «Охрана» и обеспечили во время войны надёжную безопасность помещиков от крестьянского возмущения [5, т. 2, с. LXXXV].

Значительный размах борьба против французов приобрела в Могилёвской губернии, несмотря на то, что крестьяне были приведены своими помещиками к присяге на верность Наполеону [1, с. 134].

В «Семейных преданиях могилёвцев» говорится, что «злбствовавшие на французов за учинённые ими ... безобразия, убивали их при первом удобном случае кольями» [6, с. 61].

Характеризуя в целом ситуацию, сложившуюся в белорусской деревне во время войны 1812 года, можно отметить, социальное брожение, всколыхнувшееся в крестьянстве в результате вторжения Наполеона и слухов о воле, которые были связаны с ним, а так же вследствие возникшей в результате этих событий общей растерянности и дезорганизации власти. Это брожение выразилось весьма определённо и местами переходило в настоящие мятежи, сопровождавшиеся разгромом помещичьих усадеб, фольварков и уничтожением самих помещиков. Летом–осенью 1812 г. в белорусской деревне произошло 34 крестьянских волнения [4, с. 209–211], это больше чем за весь период с 1796 г. [8, с. 820–856].

Выступления против французов активизировались в период контрнаступления русской армии. На поведение крестьянства огромное влияние оказала уверенность, что после изгнания французов царь, в благодарность за помощь дарует им освобождение от власти помещиков. Но этим надеждам не суждено было сбыться. В манифесте по поводу окончания войны были отмечены все сословия, а о крестьянах было сказано, что они «получат мзду свою от бога» [12, с. 908].

Война 1812 г. имела серьёзные последствия. Она привела к существенным сдвигам в сознании людей, к изменениям идей и представлений как дворянства, так и принадлежащих к другим социальным группам. Крестьянские выступления в 1812 г. имели принципиальное отличие от всех предшествующих. Протесты развернулись не против отдельных злоупотреблений помещиков, а против крепостного права вообще. Таким образом, война подтолкнула процесс пробуждения народа, появления у него элементов политической сознательности.

Литература

1. Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. – Волгоград, 1967. – С. 106–146.
2. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению его императорского высочества великого князя Михаила Александровича, под ред. К. Военского. – СПб.: Тип-я А.Ф. Штольценбурга, 1909. – Т. 1: Литва и Западные губернии. – 582 с.
3. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению его императорского высочества великого князя Михаила Александровича, под ред. К. Военского. – СПб.: Тип-я А.Ф. Штольценбурга, 1909. – Т. 3: Белоруссия в 1812 году. – 1912. – X, 10, LIV, 498 с.

4. Ерашэвіч А.У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.): Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. – Мінск, 2003. – 211 с.
5. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: В 14 т. – Вильна: Печатня губ. правл-я, 1867. – Т. 2. – Приложение. – С. I–СII.
6. Корнейчик Е. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года. – Минск: Госиздат БССР, 1962. – 118 с.
7. Краснянский В.Г. Минский департамент Великого княжества Литовского (эпизод из истории войны 1812 г.). – СПб.: Сенат. тип-я, 1902. – 72 с.
8. Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. Сб. док. / Под ред. С.Н. Валка. – М.: Изд-во Соц.-эк. лит-ры, 1961. – 1048 с.
9. Кутузов М.И. Сборник документов: В 5 т. / Под ред. д-ра ист. наук Л.Г. Бескровного. Сост. Р.Е. Альтшуллер. – М.: Изд-во АН СССР; Воениздат, 1950–1956. – Т. 4. Ч. 2. – 1955. – XII, 852 с.
10. Михайловский-Данилевский А.И. Полн. собр. соч.: В 7 т. – СПб.: Тип-я Штаба отдельн. корп. внутр. стражи, 1849–1850. – Т. 5.: Описание Отечественной войны 1812 года. – 1850. – 504 с.
11. НИФБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора витебского, могилёвского и смоленского, оп. 1, ед. хр. 440.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649–12 декабря 1825 г. – СПб.: Печатано в тип-ии II отделения Соб. ЕИВ Канцелярии, 1830. – Т. XXXII. 1812–1814. – 1108, 14, 8 с.
13. Полоцко-Витебская старина. – Витебск: Изд-е Витебской учёной архивной комиссии. – Кн. 1. – 1911. – 384 с.; Вып. 3. – 1916. – 330 с.
14. Радзюк А. Канфіскацыя як сродак барацьбы з сепаратысцкімі настроямі на землях Беларусі ў часы Аляксандра I // Французска-руская вайна 1812 года. Еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд. Матэрыялы Міжнароднай канферэнцыі 29–30 лістапада 2002 г., Мінск. – Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2003. – С. 68–79.
15. Сосна У. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII–першай палове XIX ст. – Мінск: БДУ, 2000. – 115 с.
16. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год. – М.: Воениздат, 1992. – 304 с.
17. Фирсов Н.Н. 1812 год в социально-психологическом освещении. – М., 1913. – 64 с.